

18+

Геннадий Исаков

**ПРИНУЖДЕНИЕ
ЖИЗНЬЮ**

Геннадий Исаков

Принуждение жизнью

«Издательские решения»

Исаков Г.

Принуждение жизнью / Г. Исаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-676950-2

«Жизнь — мгновение в жизни мироздания». Книга инженера, изобретателя, философа и просто незаурядного человека Геннадия Исакова «Принуждение жизнью» поднимает непростые философские вопросы и описывает попытки автора найти на них ответы.

ISBN 978-5-00-676950-2

© Исаков Г.
© Издательские решения

Содержание

Введение	9
Глава первая. Детство и юность	15
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Принуждение жизнью

Геннадий Исаков

Редактор Анатолий Анимица

© Геннадий Исаков, 2025

ISBN 978-5-0067-6950-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1947 год Автор в детстве с сестрой Галиной

2025 год. Они же спустя 78 лет.

«Жизнь заставит разобраться, и не только заставит, но и силком толкнет на какую-нибудь сторону».
Михаил Шолохов

Введение

У каждого человека в жизни немало было встреч, немало было выслушано слов, по большей части ненужных, маловажных, но обязательно среди них найдутся такие, которые надолго оставят свой след.

Надолго во мне оставили свой след слова матери: жизнь научит, жизнь заставит. Слова интриговали. Чему она должна учить? Чему заставлять? Как она будет это делать?

Жизнь – поразительно странное явление.

Жизнь – мгновение в жизни мироздания, пришел малыш из небытия в эту жизнь, помучался, порадовался, что-то поделал и ушел обратно в небытие. Что теперь проку ему от прожитого и сделанного? Какой ему был смысл всё это испытывать, создавать, любить, мечтать о счастье, страдать, если в своей вечности небытия он даже не заметит этого? Было небытие, вдруг скачок в жизнь, практически на мгновение, и снова небытие, вечность ликвидирует скачок. Пришел другой, помучился, порадовался в той среде, что предыдущий смертный ему оставил, и тоже ушел в небытие. А у новенького какой был смысл приходить сюда, если надо уходить обратно? Кипит котел жизни, пока продолжают такие бессмысленные выплески. Для каждого круг замыкается, ничего ему не оставляя. Голым пришел, голым ушел.

Люди озабочены продолжением рода, а зачем? Чтоб новые малыши сделали такой же бессмысленный круг? Но, говорят, зато они будут жить лучше нас. Своим трудом мы избавим их от тех страданий, которые достались на нашу долю.

Не надо обманывать себя. Когда бы люди ни жили, в прошлом или в будущем жить будут, всегда у них были и будут свои радости и горести. Горе и счастье все ощущают одинаково, когда бы они ни жили, и какими бы они ни были. Изменяются условия жизни, но они всё равно появятся у каждого. Разными были и будут радости и огорчения, но для каждого они всегда настоящие, неповторимые и всегда проблемные. По этому показателю сделать жизнь лучше невозможно.

Так в чем же смысл жизни?

Может он заключается в последствиях дел человеческих, остающихся в мироздании? Ведь, проживая жизни, они вносят в него изменения. Может в этих изменениях есть смысл?

А какая польза мирозданию от этих изменений? По Библии его однажды создал бог. Это странно. Что это вдруг с ним стряслось? Какая причина? Спал вечность и вот приспичило. Да и зачем это ему понадобилось? Авторы Библии ответа не дали. А вот земля понадобилась, якобы, для заселения её людьми. Ну, а они для чего ему понадобилось? Опять ответа нет. Ну, и какая польза богу от изменения людьми созданного им мироздания? Ведь он мог сделать его каким угодно. И тут ответа нет.

Может наука знает ответ? Наука утверждает, что мироздание однажды случайно образовалось от какого-то мощного взрыва в пустоте. Раздулось, расширяется и потом погибнет, то ли уравнивая все температуры, то ли рассыпавшись равномерно по всему пространству. Тогда люди в нем зачем? Ни зачем. Как однажды случайно появилось мироздание и потом исчезнет, так же случайно появляются люди и исчезают. Тогда для чего они в мироздании? Ни для чего, они ему совершенно не нужны. У мироздания своя независимая от людей судьба.

Можем выдвинуть предположение, что мироздание состоит из двух частей – материальной части, которую можно видеть, измерять, и нематериальной, наполненной разумом, сознанием, и, если в материальном мире смысла человеческой жизни не удаётся обнаружить, то он, может быть, присутствует в нематериальном мире. Что в эту часть может внести человек? Он может внести мораль, состоящую из разумных принципов жизни. А как определить, что морально и что аморально? Как не перепутать добро со злом? Ведь нет единой морали для всех.

По одной морали нельзя обманывать и грабить, по другой морали вполне допустимо. По одной морали все равны, по другой совсем наоборот.

Где же истина? Откуда взяться верной морали?

Церковь утверждает – от бога. Бог диктует верные правила морали, потому что бог есть любовь и желает всем добра. От любви надо отталкиваться.

Только странная у бога любовь. Вечность в небытие пребывали люди, вечность горя не знали, как, может, и радостей не ведали. И вот бог по непонятной причине принялся вытаскивать их поочередно в эту жизнь, и устраивать им испытания. Выдал им наказания и потребовал соблюдения. И тут же подсунул провокатора – искусителя. А дальше из серии садизмов: обратно уже никому хода не будет, а впереди ожидают пыточные камеры, под названием рай и ад. В раю предстоят пытки безысходной тоской и скукой из-за бессмысленного вечного существования. Этим пыткам будут подвергнуты те, кто пройдет испытания. А не прошедшим уготована дорога в ад, где их будут жарить в огне, причем вечно. Ну, а какой смысл во всем этом?

Зачем эта экзекуция понадобилась богу? – не известно. Однако, описанная ситуация наводит на мысль, что под любовью понимается бессмысленная жестокость, и, соответственно, под моралью – аморальность.

Часто в качестве источника морали упоминают заповеди Христа, описанные в Евангелие. Но для них не дается никаких обоснований, что вызывает скептическое к ним отношение.

Становится понятным, что для решения вопроса о смысле жизни обращение к морали бесполезно.

А что говорят философы по этому поводу? По этому поводу они ничего не говорят. Философами называют тех, кто предлагает или некое направление мышления, или представление об устройстве мира, общества, свои мнения о правилах мышления, этики и морали, мнения о происходящих событиях. Но никто из них до сих пор не смог предложить скольнибудь обоснованной теории о смысле жизни. Было много попыток, но результата не принесли. Любой вариант ответа уничтожался неизбежным вопросом, а это для чего нужно, какой в этом смысл? Любая логическая цепь, преследуемая этим вопросом, заходила в тупик.

Захлопнул крышкой все попытки философов найти ответ на каверзный вопрос один древний мыслитель такими грустными словами:

«Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме;

и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем.

Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа!

Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать.

Говорил я с сердцем моим так: вот, я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания.

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа;

потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь».

Поскольку ответ на вопрос о смысле жизни оказался окруженным неприступной крепостью, штурмом было не пробиться, были предприняты попытки совершить подкоп. Философы решили разобраться с базовым вопросом, что такое жизнь. Но и тут не удалось найти аргументированного ответа. Подкоп не получился.

Аристотель говорил, что жизнь – это «питание, рост и одряхление» организма; А. Л. Лавуазье определял жизнь как «химическую функцию»; Г. Р. Тревиранус считал, что жизнь есть «стойкое единообразие процессов при различии внешних влияний». А. И. Опарин определял жизнь как «особую, очень сложную форму движения материи».

Ф. Энгельс писал: «Жизнь есть способ существования белковых тел, существенным моментом которого является обмен веществом и энергией с окружающей средой».

Дошли до такого: «жизнь – это макромолекулярная открытая система, которой свойственны иерархическая организация, способность к самовоспроизведению, самосохранению и саморегуляции, обмен веществ, тонко регулируемый поток энергии».

Можно много найти определений, но все они обладают одним и тем же изъяном, который обесценивает их. Это неверно выбранный способ определения. Все авторы выбирали одинаковый способ – это способ субъективного представления на базе имеющихся у них личных знаний. Субъективность, – вот главный порок.

Однажды Протагор написал: «Человек есть мера всех вещей: действительных в том, что они действительны, недействительных в том, что они недействительны».

Из этой фразы следует, что человек всё по себе мерит. Он для всего есть мера. Что он ощущает, то существует, а если нет – то этого нет. Следом Платон писал: объективной истины не существует, для всякого верны только его собственные утверждения и ощущения. И добавлял: человек, а не бог является критерием истины (действительности) и законодателем в сфере моральных и правовых ценностей.

Бога нет, человек заменил бога. Не бог, а человек революцией или контрреволюцией свергает один образ жизни и навязывает другой, он утверждает правовые и моральные нормы, и предлагает людям или тоталитарную диктатуру тех или иных правил, или демократический их выбор, подвергая, однако, избирателей тотальной психологической обработке.

Даже наука полна субъективных мнений, оставив объективности только выведенные опытным путем законы природы, которые, строго говоря, верными могут считаться только там и тогда, где и когда были выведены, и не могут распространяться на иные пространства и времена.

Получается, что в море загадок и предположений объективным знаниям выделен крошечный остров. И в нем не нашлось места для объективного понимания жизни.

Чтобы отойти от порока субъективности при попытках выработки определений, необходимо исходить не из субъективных мнений, а из объективно действующих в мироздании правил, фиксируемых в виде аксиом. Аксиомами могут считаться только такие правила, которые не меняются ни во времени, ни в пространстве.

Такой аксиомой может служить утверждение, что ничего не возникает без причины, и всё существующее и происходящее производит следствие. Все цепочки причин и следствий приведут всю систему к некоему конечному состоянию, и достижение его будет считаться целью.

Мироздание со всей своей историей можно рассматривать, как замкнутую на себя систему действий, полностью изолированную, а в такой системе целевой задачей всех действий является устранение причины, их вызвавшей. То есть конечная цель направлена на устранение первичной причины.

А если такая цель существует, то всё сущее организовано вселенским механизмом только для того, чтобы каждое порождение, реализуя своё частное предназначение, способствовало достижению общей цели. Предназначение есть у звезд, у планет, у каждой былинки есть, есть и у каждого человека.

Следовательно, универсальным определением жизни вообще может быть такое.

«Жизнь, это совмещение специально созданных структур и процедур в реальном окружении для решения определенных задач».

Человеческая жизнь в этом случае становится способом выполнения каждым своего предназначения.

Напомню слова Екклесиаста: «это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим». А это и будет смыслом жизни.

Надо сразу сказать, что предназначение никогда не дается сразу для осознания его носителем, но проявляется в его способностях, призвании. Человек его не знает, но знает организатор человеческой жизни, и он так выстраивает жизненные события, зависимые от человека или не зависимые от него, что он, чем бы ни занимался, невольно его реализует. Жизнь вынуждает человека это делать, хотя он не догадывается об этом. Даже когда выполняет свои желания, то и тогда не знает, какие силы вызвали в нем эти желания и для чего. А они будут направлены на это же.

Эта книга написана с целью демонстрации механизма формирования человеческой судьбы.

В ней я представлю основные перипетии моей жизни, как целенаправленную систему принуждения, заставляющую и способствующую выполнения мной предусмотренного для меня предназначения. В последовательности описанных событий есть отдельные блоки со своими задачами, и я буду давать подсказки относительно них.

Полезно знать, жизнь иногда специально создает эпизоды, предназначенные донести до человека задание или подсказку, чем ему следует заниматься, в каком направлении надлежит двигаться. У меня их было много.

Приведу пример одного такого эпизода – подсказки.

Это произошло летом перед заключительным десятым классом в городе Великие Луки, где жил тогда в кругу своей семьи, и по принятому тогда для себя решению купался каждый день в реке Ловать, приезжая к ней на велосипеде.

Однажды как обычно я приехал к своему месту купания, оставил на берегу велосипед, прошелся по дощатому настилу, выдвинутому в реку, до самого его конца, где обычно раздевался, и остановился. Я увидел нечто необычное. Вода была спокойной, ничего не портило её гладкую поверхность, ленивое течение медленно двигало лодку, приближая её ко мне. В ней находилась одинокая женская фигура. Голова с темными, вьющимися волосами, схваченными сзади белой лентой, наклонилась над водой, руки гладили зеркальную поверхность.

Когда лодка подплыла, уткнулась в настил, женщина выпрямила спину, откинула голову, и передо мной открылась удивительная картина. То была не женщина, юная девушка в период полного созревания.

Весь её облик выявлял в ней цыганку, только какого-то редкого вида. В ней не было никакого налета вульгарности, грубости, какой бывает у представителей её рода. Темное скуластое лицо в выдержанных пропорциях, правильные темные брови, угольные огромные глаза, аккуратный носик, на щеках легкий румянец, припухшие чувственные губы. От неё веяло экзотикой юга и изысканностью востока. Она являла собой образец какой-то особой, пронзительной красоты. На ней было светлое платье в огромных цветах, на плечах черный пиджак мужского покроя. И никаких украшений.

Она посмотрела на меня и опустила взгляд вниз.

Про себя я отметил, что темноволосой смуглой красавице явно не хватает венка на голове из белых лилий. Она смотрела в воду, словно что-то выискивала в ней.

– Их там нет, – почти автоматически сказал я.

– Да вот же они, – ответила, – плывут по воде, видишь, я трогаю их руками.

Погладила поверхность.

Я присмотрелся и увидел отражение плывущих по небу белых облаков, схожих с большими цветами.

По спине пробежал холодок. Цыганка явно читала мои мысли. Это выглядело таинственным, даже мистическим проникновением.

– Но ты не сможешь их собрать.

– Все цветы принадлежат небу.

– Но как же тогда сплести венки?

Она встала, протянула мне руку. Я взял её и помог выйти с лодки на настил.

Она выпрямилась, склонила голову и медленно побрела к берегу. В этом была какая-то обреченность. Я привязал лодку к кольшку цепочкой, что лежала в лодке, и пошел за ней.

– На могилах лежат венки, – тихо проговорила.

Вот она уже идет по аллее парка, трогает листья.

Я так же тихо спросил.

– Что за печаль у тебя на сердце?

– Я завтра уже уйду из этого мира.

– Куда же ты уйдешь?

– Завтра отдадут меня замуж. И увезут в чужие края.

– Но ты для этого слишком юна.

– У цыган свои законы, давно уж выбран мне жених.

– Ты видела его?

– Судьбу не видят, она приходит выбранной не нами. И ничего нельзя поделать.

– А почему ты не откажешься, если не хочешь?

– Тогда пострадает вся моя семья. Я не могу пойти на это.

Я вел велосипед, у меня сжималось сердце, оно тянулось к ней, хотелось обнять её руками, но руки только крепче сжимали руль.

– А что ты искала на реке?

– То, чего нет в людях. Но есть в реке, в цветах, лесах, горах, в природе.

– И что же это?

– Ум, душа и красота.

– А что же в людях?

– Пустота.

– Зачем тебе всё это нужно?

Я сразу понял, что спросил глупость, потому что она отстранилась и посмотрела на меня с удивлением.

– Как? Разве ты не знаешь? Без этого несчастной будет жизнь, и смерть придет в мученьях. Разве ты не видишь, как живут и умирают пустые люди?

Мы подошли к улице, застроенной небольшими белыми домиками.

– Тут мой дом, – промолвила, – теперь прощай. Дальше тебе нельзя.

Я остановился, она медленно стала удаляться.

– Цыганка, – закричал я, она повернулась ко мне, и мне показалось, что небывалой своей красотой она сливается с небом, – цыганка, а я найду душу, ум и красоту?

Она улыбнулась, ничего не сказала, а только подняла руки к небу, где плыли лилии облаков, обвела руками, словно схватила их в охапку, и бросила мне. Отвернулась и ушла. Больше я её не видел, но её слова остались в памяти, вспоминались, как некие ориентиры в моих мыслях и делах.

Всю человеческую жизнь можно разбить на три периода, которые, хотя и связаны между собой причинно-следственными цепочками, тем не менее, имеют свои специфические особенности.

Особенности каждого периода настолько существенные, что с некоторой степенью условности можно принять их пройденными разными людьми в разных условиях.

Поэтому своё повествование разобью на три главы, в которых будут описаны события и мысли как бы трех разных людей, помещенных в разные периоды жизни.

На первом периоде жизни, охватывающем детство и юность, основными задачами являются формирование личности и подготовка к самостоятельной взрослой жизни.

На втором периоде, посвященном активной и трудовой деятельностью, помимо задач жизнеобеспечения и продолжения рода, стоят задачи реализации знаний и их пополнения через проникновение в глубины сущностей и явлений.

На третьем, когда приходит старость – задачи осмысления накопленных знаний и представлений, формирование выводов и подведение итогов.

В настоящее время широко распространено заблуждение, будто старость, это только процесс увядания, совершенно бесполезный, будто вся жизнь была в прошлом, она ушла и наступившая старость представляет собой своеобразную крышку гроба, наполненному воспоминаний. Автор предостерегает от этого заблуждения. На самом деле конца жизни не существует, есть только переходы души из одного уровня жизни на другой, более высокий. За земной жизнью после выхода души из одряхлевшего и уже ненужного тела следует новая жизнь, рассчитанная на миллиарды лет в космическом пространстве. Там будут новые задачи и новые проблемы, к которым души готовились всю земную жизнь. Там будет основная часть из всех периодов жизни. Потому старость, это период сосредоточения, какой бывает у выпускника из школы.

Глава первая. Детство и юность

Эта глава о том, как происходила подготовка меня к выполнению моего главного предназначения. При подготовке потребовалось выполнить следующее:

1. Вывести меня из-под влияния принятых в обществе знаний, понятий и представлений, то есть изолировать от жизни общества.

2. Толкнуть на составление персональных, необходимых для предстоящих задач знаний, понятий и представлений, отличных от общепринятых. Если источник общепринятых знаний находился в реальном мире, то для меня источником полагался потусторонний мир. Для налаживания контакта с ним потребовалось выработать ощущение границы с потусторонним миром, для чего было проведено ознакомление со смертью и её границей.

3. Выработать образное мышление, крепкий характер, волю, бесстрашие и разумность во всех делах.

Теперь, как это происходило.

Я родился в начале войны в глухой деревне на псковской земле, в избе, где проживало семейство сестры моей матери, к которой она, будучи беременной мной, прибыла вместе с маленькой дочкой, когда отца призвали на военную службу.

Фронт дважды прокатился по нашей деревне, вначале с запада на восток, а потом обратно. Эти валы оставляли за собой руины и пепелища. Те избы, что были побольше, разбирались обеими проходившими армиями по бревну для укрепления дорог и переправы через речку, а маленькие, вросшие в землю, оставались без внимания. Мы и жили в одной из них. Это была низенькая избушка с низким входом, парой маленьких окон, в которой с давних времен находился металлический ящик с приделанной выносной трубой, приспособленный изобретательным умом и умелыми руками для отопления и приготовления еды.

С наступлением мирного времени жизнь начала налаживаться. Вернувшиеся с войны солдаты вместе с деревенскими жителями рыли землянки, восстанавливали жилища. Одиноко стоявшие русские печи, что остались от разобранных и сгоревших домов использовали для приготовления еды. Потом их разобрали на кирпичи для новых печей в новых избах. Не осталось ни скотины, ни птиц. Только бывший староста, назначенный немцами при оккупации, сумел спрятать и сохранить в дальней глухой заимке пару лошадей со всякими нужными для сельской жизни приспособлениями и атрибутами. Староста всю войну помогал, чем мог, сельчанам, потому его не выдали пришедшим потом дознавателям. На этих лошадях пахали, вручную разбрасывали сохранившиеся зерна ржи. Осенью женщины серпами жали урожай, покрывая поле снопами и копнами, а мы, мальчишки, на лошади перевозили урожай на ток, где мужчины цепами молотили соломенное богатство, выбивая зерна, проветривали, перелопачивали. Урожай получался невысокий, но выделяли часть государству, часть оставляли на следующую посевную, остальное делили по трудодням, учитывая наличие детей, стариков, инвалидов. Ловили рыбу на самодельные снасти. Деревню окружали обширные озера, соединенные быстрыми речушками, на островах водились бобры, ондатры. В качестве плавучих средств использовали «камейки», представлявшие собой пару выдолбленных корыт из толстых бревен, соединенных на торцах скобами.

Со временем в районном поселке появились администрация, магазин, там же пункт для приема шкур зверей, где их обменивали на капканы, ружья, порох, свинец. Стала развиваться охота. Уже можно было стрелять диких уток, коих в множестве расплодилось в камышовых зарослях озер.

А когда в продаже появился керосин с керосиновыми лампами, жизнь повеселела, теперь можно было коротать длинные вечера при свете фитильков. И уж совсем стало праздни-

ком, когда прибывшие из центра рабочие установили гирлянды столбов и протянули провода. В дома пришли электричество и радио.

Построили клуб, теперь в свободные вечера молодежь устраивала танцы под гармонь. Формировались пары, женились, рожали детей. Откуда-то завезли лошадей, коров, овец, свиней, птиц. Всей деревней стали строить новые просторные избы. Детей не баловали, все дети принимали посильное участие во всех хозяйственных делах. Безделья в деревне не бывает.

По очереди от одной деревни до другой отмечали престольные праздники. К ним готовились заранее. В принимающей деревне гнали хлебную самогонку на всю округу, потому что все деревни сходились на праздник, каждого надо было угостить. Гнали самогонку в лесу на кострах тайком ночью, поскольку ввиду дефицита зерна на это был запрет, и за этим следила районная милиция, однако, не очень старательно. В праздничный день с раннего утра начинали подтягиваться жители окружающих деревень, вначале самые нетерпеливые, потом семейные, с детьми, тянулись старики и старушки, все нарядные. Нарядность выражалась надежной чистой рубахой, платьем, хранившимся в сундуке, кепкой на чубе, броской косынкой. Ходили по избам, пили, собирались на площади перед гумном, плясали под гармонь, распевали частушки, устраивали кулачные бои. Словом, развлекались от души.

К религии сельчане относились, как к привычной данности. Никаких икон в избах не было, и ритуалов не проводилось, в деревнях христианство носило формальный характер, более выраженной была вера в духов, в приметы, заговоры. Словом, деревенские оставались язычниками.

Позднее я размышлял, для чего понадобилось князю Владимиру, самодуру, негодяю, как следует из писаний о нем, напроочь лишенному добродетелей, убийце брата, жестокому насильнику, уничтожать выработанную веками исконную русскую веру, проливая реки крови и повсеместно вводить чуждую русскому народу еврейскую веру в греческом её варианте.

Возможно, это ему потребовалось для утверждения повсеместного единоначалия над подвластными селениями, что позволило бы управлять ими и взимать с них единые оброки. Когда в каждом селении почитался свой ведический бог и только ему те жители служили, это было делать сложнее. Боги были разные, и не было единого начала. Получается, что смысл кровавой перестройки только в том и заключался, чтоб заменить разнообразие богов единым на всех богом, и под его покровительством всеми управлять.

Но тут возникает вопрос, ответа на который найти не удастся. Русь находилась между католическим Западом и мусульманским Востоком. Можно было избрать распространённый на Западе вариант христианства – римский, католический, это позволило бы сблизить Русь с западными странами и тем избежать многих конфликтов на западном направлении. Или принять ислам, что могло бы сблизить Русь с восточными народами. Но князь выбрал в качестве государственной религии самый непопулярный вариант христианства – греческий, и этим обособился как от Запада, так и от Востока, что привело потом ко многим сражениям на обоих направлениях. Но не только это явилось бедой. Хуже было другое – с введением чужой веры князь предопределил многие конфликты и распри в своей стране. В стране, где веками существовало равноправие и свобода, с новой религией пришли понятия «рабство» и «господин», они внедрились в сознание, как богом данная неизбежность, и этим разделило прежде единый народ на помазанников божьих – господ и на подчиненный им холопский люд. Подсознательно этот люд ещё держался старой веры, хотя постоянно шла работа по вытеснению её новой верой, а господа приняли её полностью. Появились две религии с разными моральными принципами. В низах ещё держались понятия справедливости, уважения, правды, а наверху их уже не было. Это породило непреодолимый барьер, выразившийся в несовместимости нравственных норм. Частная собственность господами и холопами воспринималась по-разному, господа её считали священной, а холопы, ставшие частной собственностью господ, её вообще не воспринимали. Возникшее неравенство закрепило на долгое время феодальные отношения господ и холопов,

а это в свою очередь затормозило развитие страны на столетия, что впоследствии привело к серии революционных взрывов с гражданской войной, ставшей, по сути, восстанием холопов против господ, одной религии против другой.

Попытки введения либеральных реформ не устранили неравенство, а напротив, довели до предельного обострения. Коммунистическая идеология оказалась близкой к учению Христа, она провозглашала равенство и товарищество, справедливость, отрицала частную собственность на основные средства производства, осуждала обогащение среди бедноты, утверждала скромность и порядочность, и этим оказалась близкой к народной религии. Но церковь всячески ей противостояла. Её служители даже сражались с народом в рядах армии Колчака, а во время войны порой приветствовали приход гитлеровских войск. Выставляя коммунистам обвинения в репрессиях, они забывают слова Христа, изложенные в Евангелие от Матфея (18.6): «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому было бы лучше, если бы мельничный жернов повесили ему на шею, и утопили его в пучине морской». Так же поступали и коммунисты. Что же Христу не выставляют обвинения в жестокости? Но тут есть ещё один вопрос: А есть ли полномочия у нынешних священников вещать от имени Христа? Могут ли они считаться его учениками, если не выполняют его наставления:

«идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева;
ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное;
больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте;
даром получили, даром давайте.

Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои,
ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания.

В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете;

а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему;
и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится.

А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших;

истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому.»

Установление на Руси двух религий и разделение населения на господ и рабов затормозило развитие государства и привело ко многим бедам. Сейчас, когда в России новые власти с церковью повернули время вспять, восстановилось разделение народа на господ и холопов, развернулось массовое строительство храмов, и началась массовое погружение народа в религию, а низменные страсти поднялись и заглушили голос разума и совести, можно с уверенностью ожидать прихода новых бед. Впрочем, это уже происходит.

Это сейчас повсюду стоят храмы, а тогда ближайшая сохранившаяся церквушка была за 40 км от нашей деревни. Однажды родня решила окрестить нас с сестрой. Поскольку дорогу к церкви знала только мамина сестра, она и отправилась в долгий путь с двумя малышами. Шли несколько дней, напрашиваясь на ночевку в попутных деревнях, выпрашивая в приютах еду. Из всей процедуры крещения наиболее яркое воспоминание оставила ложечка сладкого вина, вылитая священником в мой рот. Возникшее приятное ощущение предопределило на всю жизнь доброжелательное отношение к этому нектару.

После войны отец, будучи военным, как только получил назначение на постоянное место службы, и обустроился, перевез нас к себе. Мы оказались в городе Великие Луки. Бои за город

происходили длительные и жестокие, его не зря называли вторым Сталинградом. Город почти весь был разрушен. Остались немногие здания и бараки. Наше жилище представляло собой комнату на втором этаже двухэтажного барака, построенного в давние времена для местных рабочих, а теперь заселяемого разными назначенцами. Здесь мы прожили недолго, потому что потом отца перевели на новое место службы в город Ржев. Великолукский период нашей жизни можно было бы не упоминать, если бы не два эпизода, оставивших в памяти след. Первый эпизод, вызвавший во мне горькое чувство вины, произошел, когда однажды мы с сестрой, оставленные родителями без надзора, шалили, и я показал сестре свой героизм, взгромоздившись на высокую спинку кровати, стоявшей у окна, подстрекая её сделать то же. И она поддавалась, вскарабкалась наверх, но не удержалась, оперлась на стекло окна, стекло лопнуло и сестра исчезла. Меня пронзил шок. Придя в себя, я выбежал на улицу. Увиденное зрелище поразило не меньше. На завалинке сидело несколько женщин, между ними находилась моя сестра, закутанная в одеяло, и с видимым наслаждением поглощала с блюдечка малиновое варенье, запивая горячим чаем. Если до этого я остро переживал свою вину, то сейчас при виде такой идиллии, проникся сожалением, что не я выпал из окна. Как бы ни выглядело это невероятным, но никаких следов от падения на героине события не оказалось, ни порезов от стекла, ни синяков от удара об землю. словно невидимый ангел плавно перенес её вниз. Только потом временами у неё стали появляться головные боли. Но это не помешало ей после школы окончить педагогический институт, и стать любимой учительницей во всех школах, где бы ей не приходилось преподавать. Её ценили за неиссякаемый оптимизм и мудрость.

Второй эпизод случился на базарной площади. В то время мы с матерью возвращались из бани через эту площадь. Там скопилось много народа, что-то на ней затевалось, матери стало любопытно. Чтоб меня не затолкали, она подняла меня на плечи. Я увидел в ряд вкопанные виселицы, с перекладин спускались веревки с петлями вниз. По площади ехал грузовик с откинутыми бортами. На нем стояли мужчины в немецкой форме со связанными сзади руками, их было много, они стояли молча. Как выяснилось потом, это были офицеры фашистской комендатуры, захваченные в плен в последнем сражении за город. Им еще в разгар битвы предлагали сдаться с сохранением жизни. Но они отказались. Гордые вояки самой мощной в мире армии, покорившей всю Европу, ведомые самыми опытными генералами, допустить не могли, что их могут одолеть примитивные ваньки, которых они и за людей не считали. Теперь их понурых и безучастных к своей участи эти ваньки везли на самую позорную смерть. Горожане их знали. Это они проводили массовые расстрелы жителей. Все годы оккупации город отчаянно сопротивлялся, а когда подошли части красной армии, фашисты вынуждены были оттягивать многие формирования от других фронтов. И за это пытались вообще снести с лица земли весь город со всеми обитателями. Народ непрерывно гудел. Гулом выражались ненависть и удовлетворение происходящим.

Грузовик с фашистами сделал круг по площади, чтоб все могли посмотреть на жалкий вид ещё недавно вызывавших ужас грозных палачей. Затем на борт поднялись два солдата и грузовик начал движение по линии висящих петель. Подъехав в первой виселице, он остановился, солдаты накинули петлю на шею крайнего немца, и грузовик поехал к следующей виселице, оставив болтаться в петле сдернутого ею с платформы фашиста. Эта процедура продолжалась, пока все немцы не были перевешены. Одни замирали в петле, едва дернувшись, другие раскачивались и бились в конвульсиях. И у всех вылезали языки. Мать несколько раз пыталась выбраться из толпы, чтобы я не видел этого зрелища, но толпа плотно нас сжимала, и попытки не удавались. Я же, наблюдая за происходящим, ничего не испытывал, никаких эмоций или чувств, словно происходило то, что никак не вписывалось в систему моего восприятия, я видел нечто запредельное, словно находился на другой планете. Позднее я понял, что это была не просто казнь убийц, это был массовый сеанс излечения израненных душ жителей города, потерявших всё по вине пришедших варваров дома, родных, друзей, мир, покой,

теперь жаждущих мщения. В природе реализуется закон, описанный ещё Ньютоном, по которому противодействие вызывается действием и направлено на его ликвидацию. И по законам морали, возникшее зло пробуждает добро, и оно его уничтожает. Значит, зло, появившись в этом мире, в конечном итоге убивает себя. Правда, до сих пор не разрешен вопрос, что есть что, как не перепутать добро и зло и где их границы. Видимо, решение этого вопроса восходит к осознанию смысла появления людей на планете, в этом смысле надо искать ответы на мириады вопросов бытия, рождения и смерти, только этого смысла до сих пор никто не знает. Что творим, не понимаем. Понятно лишь одно, если появились люди, значит, что-то в мире происходит неправильно. Это оно предопределило появление людей.

И вот мы переехали в город Ржев, почти полностью разрушенный войной, как и Великие Луки. Здесь происходило такое же месиво жестоких сражений. Новым нашим жилищем стала комната в наспех сколоченном пленными немцами домике, поделенном на 4 части с отдельными входами и встроенной в середине буржуйкой, с топками в каждой комнате, и потому каждый мог её топить своими дровами. Туалет на улице и там же водонапорная колонка. Пленные немцы продолжали строительство подобных домиков по рядам улиц. Когда мы, мальчишки, приближались к ним, они протягивали к нам вырезанные из дерева игрушки, машины, кораблики и умоляюще просили «брот», то есть хлеб. Вообще-то нас предупреждали, чтоб не смели к ним приближаться. А охранников не было видно. Потому однажды поддался мольбам одного престарелого чахлого немца, не из-за игрушек, а из сострадания. Тогда я тайком, стащив из запасов матери кусочек хлеба, принес ему, отказавшись от протянутого кораблика. Но родители быстро меня разоблачили и устроили трепку. Больше я к ним не подходил.

Повсюду по городу, за городом, в больших количествах валялись пули, гильзы, лежали груды автоматов, касок, немецких, наших. За городом в поле валялись снаряды, из которых мальчишки добывали порох, разного калибра патроны, особенно радовали патроны для ракетниц, они впечатляюще рвались, прыгали и красиво летали, когда их бросали в костер. Такие развлечения были смертельно опасными, но мы того не осознавали. Помню случай, мы в поле нашли тяжелый артиллерийский снаряд в полной комплектации, развели вокруг него костер, отбежали в ближайшую воронку, залегли и стали ждать, что будет. Однако, ничего не происходило. И только мы поднялись, чтоб подойти к костру и посмотреть, почему не взрывается, как тут примчался какой-то солдат, мгновенно сбросил нас обратно в воронку и тотчас прогремел взрыв. От костра осталась воронка. Солдат покрыл нас сложными словами, велел запомнить этот день и наказал, чтоб больше такое не повторяли, и так же быстро убежал. Однако подобные случаи были нередки, чего только не тащили дети в огонь, патроны, гранаты. Пули летали веером, гранаты взрывались, виновники становились калеками и даже погибали. Частенько играли в войну. Тех из мальчишек, кто был послабее, назначали немцами, надевали на них немецкие каски, давали в руки немецкие автоматы. Сами были в касках солдат красной армии и носили соответствующее оружие. Немцев побеждали всегда, они драпали от нас изо всех сил, бросая оружие и каски, потому что в противном случае их ждала рукопашная схватка.

Однажды я был свидетелем полетов парашютистов. Из летевшего кукурузника высыпались цепочки тел, они кувыркались в воздухе и потом над ними раскрывались облака белоснежных парашютов и они, величаво и красиво плыли по воздуху. Меня подмывало это повторить. В качестве объекта для эксперимента наметил пожарную вышку, внизу был навален песок. Парашютом должна была послужить спертая у матери простыня. По углам привязал веревки. Расчет был прост. Я маленький и легкий, большой парашют мне ни к чему, хватит простыни. Она раскроется под напором воздуха, и я полечу так же величаво и красиво. Забрался на верхоуру, и на глазах изумленной публики расправил простыню, ухватился за веревки и отчаянно шагнул навстречу мечте. Только расчет не оправдал себя, я летел кувырком, окутанный простыней. Так и шлепнулся на песок. Песок оказался рыхлым, как снег, он принял меня мягко,

словно это был сугроб. Больно почти не было. Я обескуражено поднялся, но публика подхватила на руки и потащила матери на казнь. Взбучка была классной.

И вот наступил день, когда пришла пора отправиться в школу в первый класс. Школа представляла собой сохранившееся довоенное административное здание с просторными кабинетами. Нас, первоклассников, вручили интеллигентной пожилой даме с непривычным именем – Серафима Георгиевна. Она доброжелательно улыбалась. Она ещё не знала, кому улыбается. Пока она нас учила карандашом рисовать в тетрадях палочки и кружочки, жизнь проистекала удовлетворительно, но вот когда дошли до счета, тут начались проблемы. Я потребовал, чтоб она показала мне единицу. Что такое единица? Где её можно увидеть? Где единица за окном?

Серафима Георгиевна предложила остаться после уроков, она мне отдельно объяснит, а пока класс будет учиться сложению. После урока она положила передо мной карандаш.

– Видишь, – спросила, – карандаши перед собой? Сколько их?

Я отвечал:

– Один.

– Один – и есть единица.

Я заупрямился

– Тут нет никакой единицы, тут один карандаш. Что такое единица?

Учительница сдалась.

– Верно, – сказала, тут нет единицы. Единица, это просто слово, означающая, что тут один предмет. Один карандаш. Может быть одно яблоко, может быть один мальчик. А вот если рядом с этим карандашом я положу еще один карандаш, то их будет два.

Я разломил карандаш пополам и спросил

– А теперь сколько карандашей?

Она замешкалась. Один переломанный карандаш мог считаться одним, только сломанным карандашом, но можно сказать, что теперь их два. Я продолжал,

– А если положить яблоко и буду я, будет ли два предмета?

– Верно, – она сказала, – будет два.

– А если я съем яблоко, то одна единица окажется внутри другой? Как их тогда сложить?

Серафима Георгиевна устало махнула рукой, а я продолжал,

– Два – это тоже слово? Тогда как можно складывать слова?

– Иди домой, – произнесла, – позанимайся с родителями.

Дома я спросил у отца, что такое единица?

– Мать, – закричал он, – наш сын уже получил единицу!

– Нет, – я отвечал, – просто интересно.

– Тогда спрашивай в школе.

На этом расспрос закончился. Дальше возмутил меня ноль. Я спросил, ноль есть или его нет? Ноль, мне отвечали, когда ничего нет. Так ноль есть или его нет? Он есть. Как может быть то, чего нет? Отрицательные числа возмутили до крайности. Мало того, что у меня нет ни одного яблока, так зачем говорить, сколько яблок у меня нет? Какая разница? Было ощущение, что-то меня дурят, мир устроен совсем не так, а как – не рассказывают. Ведь все знания начинаются от изучения окружения, а там ничего такого нет, о чем мне рассказывают. Вся математика – просто выдумка людей. Как можно в пустоте поставить точку? Где в природе параллельные прямые? Их нет. Может ли быть в пустоте прямая линия? А что будет, если единицу делить до бесконечности? Она просто исчезнет и получится бесконечное количество нулей. Тогда любая бесконечность равна единице. И не будет никакой математики. Нет, математика, просто выдумка и не может считаться наукой. Я не понимал, как на выдумке можно строить разные науки. Они будут отражать глупость ума, а не особенности мира. Я спросил, чем занимаются ученые? Учительница сказала, они изучают природу, выявляют действующие

в ней закономерности. А могут ли они считаться учеными, если сами придумывают закономерности, которых в природе нет? Ответа не дала, но сказала, что многое придумывается для практических нужд. Вот, например, надо сделать парты для учеников, а сколько надо? Для этого надо узнать число учеников, для таких задач придуман счет.

Серафима Георгиевна, убедившись в моей бестолковости, уже не оставляла меня после уроков, за исключением одного случая. Однажды в класс ворвалась какая-то женщина и, показывая на меня пальцем, закричала, что этот бандит стреляет из какой-то штуки по её курам, они пугаются и не несут ей яйца. После уроков учительница устроила мне допрос, что я там наделал. Я поведал, что просто придумал новое ружье и проверял, как работает. А куры просто там бегали. Она попросила рассказать о моем изобретении. Я нарисовал схему оружия, рассказал, как работает. Она удивилась, похвалила и попросила кур больше не беспокоить.

Где-то в третьем классе вдруг заболел кистевой сустав правой руки. В больнице, куда отвела меня мать, после каких-то снимков, анализов ей сообщили, что это костный туберкулез и руку упаковали в гипс. А дальше меня надо отправить в специальную лечебницу для таких детей. Родители как-то эту проблему разрешили и повезли меня в детский туберкулезный санаторий в Евпаторию. На этом моя школьная учеба была закончена. Я пришел попрощаться с Серафимой Георгиевной, она дала пакет листков с конвертами, написала адрес и велела ей писать.

В санатории гипс сняли, всё перепроверили, и заново упаковали в гипс, но уже так, что пальцами руки двигать не мог, писать тем более. Начались периоды ежедневных уколов и кормление порошками. В палатах лежало множество загипсованных детей, с загипсованными ногами, спинами, шеями. Все суставы, какие есть в организме, оказались возможными объектами для разрушения их туберкулезными палочками, и почему-то они любили грызть детские кости. Дети лежали годами, выжидали, когда под действием лекарств палочки ослабеют и оуклятся прочной костной массой, а затем восстановятся разрушенные ими суставы. Для этого требовалась полная неподвижность суставов. Поскольку даже в неподвижном состоянии дети росли, им ежегодно меняли гипсовые упаковки. С годами такого лежания тела менялись, подвижные части как-то развивались, неподвижные деградировали. Было странно наблюдать подготовленных к выписке детей. Они походили на уродцев. Я был единственным ходячим ребенком.

Периодически приходили учителя, тогда детей распределяли по возрастным группам, и в каждой давали соответствующую возрасту школьную программу, но только в предельно сжатом виде, подробности надо было изучать самостоятельно. Необходимые учебники были. Основные положения они диктовали, и надо было записывать. А я не мог. Правая рука была в гипсе, а левой я не умел писать. Как ни старался выводить буквы, получались только каракули. Пальцы не подчинялись, словно были чужими.

– Как мне научиться писать? – спрашивал у лечащего врача.

– Попробуй вначале нарисовать палочки, кружочки.

Он показывал, как надо правильно держать ручку непослушными пальцами.

После нескольких попыток это стало получаться.

– Теперь попробуй нарисовать букву «м».

Кое как нарисовал.

– Теперь нарисуй «а».

Тоже нарисовал.

– Теперь напиши целиком слово «мама», соединяя буквы.

В голове началась какая-то каша и опять пошли каракули. Не получается. Врач это объяснили так.

– Дело в том, – начал он, – что мозг человека разделен на две половинки. У тебя правая рука управляется из одной половинки, а левая из другой. Вот та, которая командует пра-

вой рукой, она решает задачи, до мелочей четко мыслит, знает буквы, заставляет их писать. Потому люди чаще всего пишут правой рукой. А другая половинка мозга этого не может делать. Зато у неё есть другое преимущество. Она может воображать предметы, картины, может представить что угодно. Это называется образным мышлением. А писать левой рукой заставить не может. Хотя может заставить рисовать.

Врач задумался, наконец, сказал,

– Давай сделаем из тебя китайца.

– Это как?

– Китайцы не пишут буквы, они рисуют картинки, иероглифы, эти иероглифы символизируют предметы, действия, а точнее те образы, которые китайцы видят в своей голове. Китаец видит в голове стул, и тут же видит иероглиф, означающий стул. Он рисует иероглиф вместо самого стула. И тебе надо научиться делать так же. Ты должен не писать слова, а рисовать. Но обязательно представлять в голове образы того, что означают эти слова.

– А как это?

– Положим, тебе надо написать то же слово «стул». Ты должен представить слово «стул» не словом, а его символом, картинкой. Представь в воображении стул и нарисуй рядом, то есть в воображении, его символ – «стул». Теперь ты должен мыслить образами, в воображении искать их символы и рисовать их на бумаге.

Я представил в голове стул, представил в буквах слово «стул», но написать его на бумаге всё равно не получалось. Врач повел меня в кабинет,

– Вот, – говорит, – перед тобой стул. Посмотри на него внимательно и запомни во всех деталях, отвернись и нарисуй его на бумаге.

Я отвернулся и нарисовал. Грубо, но похоже.

– А теперь, – говорит, – представь слово «стул» по буквам. Представь и нарисуй.

Я представил и нарисовал.

– Теперь захочешь написать чтонибудь, представь это в образах, появятся их символы – слова и рисуй эти слова. Не пиши, а рисуй. Так ты научишь писать ту часть мозга, которая не умела это делать. И левая рука научится писать.

Я понял. Стал упражняться уже самостоятельно. При этом заметил, чем четче возникают в воображении образы, тем лучше получается текст. Шли дни, я упражнялся, и постепенно дело наладилось, в результате я научился довольно сносно писать левой рукой. Одновременно развилось воображение, доктор научил мыслить образами, и в дальнейшем стал пользоваться образным мышлением. Уже всё, что хотел сказать, написать, придумать, рисовалось в воображении.

Теперь я мог писать письма моей классной наставнице. В них описывал, что вижу, что чувствую, какие появлялись мысли. Она неизменно мне отвечала словами поддержки. Писала про класс, про книги, какие мне надо читать. Я всё делал, что она советовала.

Через год сняли гипс, всё проверили и нашли меня здоровым. За мной приехал отец, и повез уже на новое место жительства в поселок под Великими Луками, куда его в очередной раз перевели. Там отвели в местную школу, где проверили мои знания, определили в какой-то класс, но проучиться в нем пришлось недолго.

Ранней весной, поскользнувшись на льду, упал, и уже подняться не смог, дикая боль пронзила тазобедренный сустав. Прохожие помогли добраться до дома. Любое движение ногой вызывало дикую боль. В местной больнице, куда меня доставили на машине, врачи сделали снимки, анализы и сокрушенно покачали головой – это снова костный туберкулез, только в более разрушительной форме.

Пораженная таким известием мать спросила доктора, почему такое могло случиться со мной. Доктор хмуро отвечал, что это последствия войны. Повлияли стрессы беременной

матери, ребенок не мог родиться здоровым, потом стрессы и скудное питание малыша, всё это дополнительно ослабило организм. Дети – наиболее уязвимые жертвы войны.

Половину тела упаковали в гипс, чтоб не шевелил ногой, опять родители куда-то стали обращаться, в результате снова повезли туда же, где был до этого с рукой.

Я понял, теперь уже надолго и что теперь попался капитально в уже известный мне механизм длительного превращения детей в уродов. Детство на этом закончилось.

В санатории прежде всего сняли больничный гипс, снова всё проверили, стали разгибать до этого согнутую ногу, а поскольку боль была невыносимой, вкололи какую-то анестезию. Ногу уложили, как было нужно, и наложили новый гипс, он охватывал половину тела от грудной клетки до колена больной ноги. Я мог шевелить руками, головой и здоровой ногой. А затем отвезли в специально выделенный карантинный барак. Там была большая палата, в середине стояла кровать, на неё как бревно меня уложили. Рядом стояла тумбочка, на которую можно было ставить посуду. Больше ничего в ней не было. Тут мне предстояло пролежать в одиночестве 40 дней. Почему-то с рукой так долго не держали. Видимо, ужесточили порядки.

За мной ухаживала нянечка. По утрам протирала доступные части тела влажным полотенцем, приносила судно, утку, уносила. Приносила завтраки, обеды, ужины и уносила посуду. Всё остальное время я смотрел в окно, за которым ветер играл с листвой серебристого тополя. В первые дни за окном появлялось заплаканное лицо матери, она натужно улыбалась и что-то говорила. Ей нельзя было заходить вовнутрь. Я жестами показывал, что со мной всё в порядке, мне тут хорошо. Пришла нянечка спросить, что нужно матери купить для меня. Только книги. На следующий день нянечка принесла несколько книг, изданных для подростков. За окном снова стояла измученная мать. Я попросил нянечку передать ей, чтоб больше не приходила, я не могу больше её видеть, её вид разрывает мне сердце, невыносимо видеть и чувствовать её страдание. Это очень больно. Она перестала приходить. Ещё раньше мы с ней договорились, что буду писать ей письма с условным знаком, плюсикум в первой букве, если мне хорошо, и минусом, если плохо. В дальнейшем все мои письма были только с плюсикуми.

Все книги я постранично разделил на количество предстоящих дней и в дальнейшем старался не выходить за эти нормы, как бы ни подмывало читать дальше.

Однажды я обнаружил в палате мух, их было три. Видимо, залетели в открытую форточку. Они повсюду носились и даже садились на мою кровать. Это стало неожиданной радостью. Хоть такие живые существа. Только бы нянечка не устроила на них охоту, но она даже не обращала внимания на них.

Мухам я дал имена. Люся, Дуся и Варвара. Люся была красавицей, стройная, изящная, постоянно прихорашивалась. Дуся была полной дурой, бестолку носилась повсюду, выделявая зигзаги и налетая на стены, стекла. Варвара была дамой в возрасте, вела себя степенно, любила сидеть на подоконнике, на стекле, и смотреть в окно. Я попросил нянечку принести сладкого чаю и блюдце. Я подливал в него чай, и какая муха прилетала на угощение, той озвучивал её имя, чтоб запомнила и в дальнейшем прилетала на зов. Но они оказались неспособными к обучению. Тогда выдернул из полотенца нитки и при следующих попойках мух со всей осторожностью ловил их и привязывал нитки к их лапкам. Теперь они летали вокруг меня на привязи. По очереди, называя имена, притягивал к себе и предлагал чаю. Но и это не помогло. Тогда отпустил на свободу. Теперь у меня появилась новая задача, разобраться в мотивации их действий. Задача оказалась не простой, но что-то стал понимать и даже мог прогнозировать их поведение. Иногда все трое собирались у меня на кровати или тумбочке и тогда я начинал им рассказывать про чудные творения ветра из листьев тополя за окном. Он то зажигает костер, заставляя листья сверкать своим серебром, словно искрами, то волнами колышет ими, изображая море, а то начнет рисовать на кроне цветы, замки, лица. Что самое удивительное, мастер не нуждался в зрителях, он это делал, потому что не мог этого не делать. Он как безумец радовался своей свободе, полноты силы, творческим способностям. Я завидовал ему.

Люся и Дуся считали мои рассказы чушью и ахинеей, не дослушав, улетали. Я их не винил. Что они могли видеть и понимать за свою короткую жизнь? Надо будет усвоить, никому не интересно то, что за пределами их видения и понимания. Будут считать бредом. Это потом не раз подтвердится.

А мудрая Варвара продолжала слушать, уставив на меня свои огромные глаза. Слушала не перебивая. Более внимательного слушателя моих рассказов больше не встречал. Потом улетала на свой любимый подоконник и продолжала смотреть за окно. О чем она думала? О тополе? Или о загадочном мире за окном, может грустила воспоминаниями.

Однажды утром увидел Варвару на подоконнике, лежавшую неподвижно лапками кверху. Пришла нянечка и выбросила трупик в форточку. Я скорбел по её кончине. Думал, есть ли у мух душа? Если есть, где они пребывают на том свете, там, где души людей или отдельно? Мне было известно из разговоров деревенских обитателей, что у живых существ есть души. Одна старушка говорила, что умные собаки потом перерождаются в людей. Тогда Варвара потом может стать собакой? Если она станет собакой, то узнает ли меня?

Люся улетела в форточку, и Дуся исчезла, наверно от дури забралась в какую-нибудь щель и не смогла выбраться. А я продолжал читать отмеренные страницы книг.

Но вот срок заключения вышел, и меня перевели в палаты к детям, знакомым ещё по прошлому пребыванию среди них. Я помнил слова доктора о причинах такого недуга у детей, стал расспрашивать, кто и откуда сюда прибыл. И верно, они прибыли в основном из областей, где прошла война, Литвы, Белоруссии, Украины и западных областей России.

Всё также непрерывно по утрам и вечерам делали уколы, кололи во все доступные места, куда можно было воткнуть иглу, от этого исколотое тело вспухало. Когда растворы начинали брызгать обратно, делали перерывы. Так же потчевали порошками.

Как тут было заведено, приходили учителя, порой я задавал им свои вопросы. Они вначале живо отвечали, потом с раздражением и, наконец, прекратили отвечать. Вот учительница истории рассказала о войнах древних народов в многовековой давности, велела выучить даты. Я спросил – зачем? Какая разница, что тогда происходило, если это уже ни на что не влияет? Ну, было и прошло.

Она выдала глупую фразу: кто не знает прошлого, не имеет будущего.

Будущее, говорил я, придет независимо от того, знаю я прошлое или нет. Время не останавливается, и жизнь продолжается по своим законам.

Она настаивала, прошлое формирует будущее. Я согласился, что недавнее прошлое, действительно, влияет, но а дальше на него накладываются новые идеи, изобретения, новые знания, да и просто хаос беспорядочности, люди появляются совсем другие, и уже прошлое затеряется в хаотической куче прошедших событий. Уже не имеет значения, каким оно было, будущее перестает зависеть от прошлого. Да мы и понять не сможем древних людей, как они думали, что чувствовали, чего желали.

В другой раз спросил:

– Гитлер мог знать, что застрелится, когда отдавал приказ начать войну с нашей страной? Нет. А мог отменить тот приказ, держа пистолет у своей головы? Тоже нет. А мы можем знать, что произойдет в будущем от наших дел сегодня? Тогда зачем мы это всё изучаем, если сами не знаем, что делаем, изменить ничего не можем, и ничему научиться не можем?

Она уже не отвечала, просто просила не мешать вести урок.

Однажды к нам пришла сухонькая, но энергичная женщина, сказала, что будет заниматься нашим культурным и эстетическим развитием. И, действительно, с её появлением в нашей жизни началось оживление. Стали привозить киноаппарат с бобинами пленок, нас свозили в общий зал и на большой простыне механик показывал фильмы. Помню, в каком восторге мальчишки и девчонки смотрели на проделки Чаплина и подвиги Тарзана.

Однажды привела к нам мальчишку, вручила извлеченный из кладовки аккордеон, и он с большим мастерством исполнял музыкальные произведения классического репертуара. Впечатленный его игрой, я решил так же научиться играть. Попросил тот же аккордеон, самоучитель и вскоре уже мог исполнять немногие популярные песни. Но это увлечение оказалось недолгим. Наша энергичная дама вызвала новый интерес, более глубокий, чем занятие музыкой.

Она обладала превосходным талантом рассказчика и чтеца.

Вечерами перед отбоем садилась в середине палаты и выразительно, в лицах читала нам старинные былины, сказы, легенды, они будили воображение, и было ощущение, что все действия происходят здесь, перед нами. Рассказывала разные занимательные истории. Один рассказ впечатлил особо. Там шла речь о том, как однажды пионерский отряд разместился на лето в старинном замке. Старик сторож поведал пионерам странную историю, произошедшую в далекие времена, когда он был мальчиком. У хозяев замка было красавица дочка, которую против её воли намеревались выдать замуж за нехорошего человека. Старик помнил, как в день свадьбы невеста бегала по замку, желая спрятаться, чтоб её не нашли. Он видел, как она вбежала в дальнее крыло и скрылась в темном коридоре. Уже началась свадебная церемония, а невесты всё не было. Её повсюду искали, прошлись и по тому коридору, который заканчивался тупиком, просмотрели все комнаты, закоулки, но она пропала бесследно. И больше никогда не появлялась. Многие пытались раскрыть эту тайну, но безрезультатно.

И тогда один из пионеров, решил попробовать в этом разобраться. Когда все уснули, взял фонарик, кусочек сыра и отправился в коридор того крыла. Дошел до конца, и тут в свете фонарика перед ним метнулась какая-то тень, в ужасе мальчик вдавился в стенку тупика, и она отклонилась, обнажив черную дыру, в которую он тут же провалился. Упал на каменный пол. Упавший рядом фонарик продолжал светиться, он взял его, и при его свете увидел уходящий в мглу длинный коридор, пошел по нему, по сторонам располагались комнаты, похожие на казематы. При свете фонарика он видел покрытые пылью и паутиной старинные предметы, сундуки, картины. И вот, войдя в одну из них, остолбенел. Лучик высветил сидящую на стуле в полном мраке прекрасную девушку. На ней было белое роскошное платье. Чернота мрака делала траурными белые складки одеяния, рельеф фигуры. Внезапно высвеченная в этом темном подвале, она казалась частью потустороннего мира. То была пропавшая невеста.

Преодолев оцепенение, осторожно ступая, мальчик приблизился ней. Перед ней стоял стол, на нем увидел клочок бумаги, прочитал нацарапанные слова: «Оставь надежду, попавший сюда». Едва он дотронулся до её плеча, как тут же она со всем одеянием рассыпалась в прах, оставив кости скелета. В ужасе выбежал в коридор, побежал обратно, но не мог найти того места, где упал, везде были ровные стены. Он кричал, но крик заглушался в каменном мешке, повсюду искал выход, но его не было. Фонарик перестал светиться, и всё погрузилось в полный мрак. Вот в этом мраке вдруг показались два слабых огонька. Они перемещались. Казалось, там были глаза животного. Мальчик направился к ним, но они метнулись куда-то в темноту и исчезли. Дальше рассказывалось, как с помощью прихваченного сыра приманивал это животное, которое оказалось котом, как, следуя за ним, нашел размытую дождями лазейку, и через неё смог выбраться наружу.

Меня поразила иллюзия реальности нереального. Под её впечатлением взялся за написание мистического произведения, наполненного голой фантазией. В нем ученый сделал аппарат, позволяющий видеть эфирные существа, призраки, витающие вокруг. Расписал, как они издеваются над людьми, строят против них козни, возникают, пропадают, отравливают одних на других, чтоб случилась война. Дальше следовали события, связанные с противостоянием людей этим существам. Листки моего сочинения разошлись по рукам и больше я их не видел.

Зимами нас держали в палатах санатория, а летом перевозили на море. На широком песчаном пляже вдоль берега были выстроены длинные веранды, на них мы проводили всё лето.

Плеск волн, шум моря будили фантазию, проплывающие вдали суда уводили воображение в далекие края. На лето приезжали родители с сестрой, но общение допускалось только на расстоянии. Достаточно было того, что мы могли видеть друг друга и разговаривать. Так они поведали, что переехали опять на следующее место службы отца, теперь они живут в поселке под городом Бологое.

Медленно шли годы, все годы я неподвижно лежал на кровати каменным изваянием, тело как-то менялось, росло, и несколько раз гипсовые оболочки медики меняли, при этом делали снимки и нужные анализы. Так прошло три с половиной года. Черту подвела врачебная комиссия, когда при очередной замене гипса мне провели полное обследование. Комиссия вынесла вердикт: лечение закончилось, теперь можно готовить к выписке.

А это была уже отдельная и сложная процедура.

Принесли ботинки подходящего размера, костыли и изготовили съемный корсет на шнуровке, он повторял гипсовую упаковку, им следовало пользоваться в продолжение года. Нога уже могла работать, но нагружать её придется постепенно и с осторожностью.

В первый раз, когда меня стали ставить в вертикальное положение, казалось, что мир перевернулся, пол поднялся на меня вертикалью, потолок упал. Несколько секунд, и я упал на руки санитаров и в кровать. Изо дня в день меня приучали к вертикальному положению. Потом на костылях при поддержке сопровождающего санитаря сделал несколько шагов. Через месяц уже освоился с костылями, и ходил довольно сносно без посторонней помощи. Дурь свободы пьянила голову. Я ощущал возрождение.

Наконец, приехали родители, забрали и повезли в свой дом, что находился под городом Бологое. Отвели в местную школу, приписали к седьмому классу. Поселок был маленький, а я повсюду ходил на костылях и выглядел белой вороной. Мальчишки любили дразнить «Костыль идет!» Иногда нарочно подсекали, чтоб упал. И, глядя на мои нелепые движения, заливались хохотом. Я не мог понять, как страдания больного беспомощного человека могут веселить? Тогда начал догадываться, что окружающий мир не так уж прост. Оказывается, детвора любит объединяться в стаю наподобие диких зверей. Вожаку, чтоб сохранить лидирующее положение, необходимо членам её показывать свою агрессивность, силу, чтоб они его боялись и подчинялись. Для проявления агрессии выбирался объект из самых беззащитных. Члены стаи старались подражать вожаку и не упускали случая показать ему свои способности по издевательствам. Я был избран объектом.

Чтоб выйти из этого положения, несмотря на возражения врачей начал усиленно заниматься силовыми упражнениями на турнике, кольцах, постепенно наращивая нагрузки. Потом начал разрабатывать мышцы ног, для чего при ходьбе на костылях стал наращивать нагрузку на больную ногу. Постепенно появилась возможность отказаться от костылей совсем. Тут я начал давать отпор своим обидчикам. Поскольку руки, натренированные на костылях и на упражнениях оказались накаченными приличной силой, то уже мог этими руками так задавить в тисках пойманного обидчика, что, выпущенный на свободу, он едва приходил себя. Всем становилось понятно, что со мной лучше не связываться. Я стал уважаемой фигурой.

В ближайшие каникулы отправился в родную деревню помогать родным в их нелегком труде. И потом часто бывал там. Основным моим занятием в деревне было обеспечение семейства рыбой. Наловить требовалось много, чтоб обеспечить ежедневной едой и создать необходимый запас на зиму. Заготавливаемая на зиму рыба запекалась в зеве русской печи, сушилась на её лежанке. Для этого мы вместе с дядей Ваней, мужем моей тетки, потерявшим ногу на войне, но не утратившим оптимизма и душевной доброты, плавали по окрестным озерам на камейках, ловили рыбу сетями. Одной сетью перекрывали какой-нибудь речной переток, а с другой устраивали охоту. Окружали ею заросший камышом прибрежный участок, в нем длинным шестом производили шум, чтоб испуганная рыба неслась в сеть, вытаскивали и пере-

бирались на новое место. По хозяйским делам надо было ещё наносить воды из речки, насобирать «хряпы» в лесу для поросенка.

Пока я там был, отца в очередной раз перевели на следующее место службы. Новым местом снова стал город Великие Луки. Туда переехала наша семья. Только теперь разместили уже не в бараке, а в приличном кирпичном доме, со всеми тогда возможными удобствами, в центре города.

Когда я вернулся из деревни, определили в местную школу, уже в восьмой класс. И снова конфликтовал с учителями. Почему, спрашивал у учительницы литературы, героями у нас выставлены проходимцы, Хлестаков, Онегин, Чичиков, бездельник Обломов, а не герои, типа Овода-Ривареса, революционеры, солдаты войны? Зачем мы их образы пишем? Внятно она не могла объяснить.

Математичку мучил вопросами. Если вся математика построена на сложении и вычитании простых единиц, то откуда могли появиться мнимые числа? В реальной природе нет мнимых объектов, нет отрицательных, пребывающих в небытие. Физики нашли абсолютный ноль температуры, и теперь нет отрицательных температур, старые шкалы можно отбросить, тогда почему математики не нашли абсолютного нуля и абсолютной единицы среди всего, что существует в мире? Если любое число означает множество единиц, то чем больше число, тем больше вероятности, что это множество развалится. Значит, должно быть в природе предельное множество, более которого оно быть не может. Чем сложнее система, тем больше вероятности, что она рассыплется. Где-то в числовом ряду должно быть предельное множество, предельное число. За пределом они будут распадаться на простые числа. Как в атомном ряду, численность элементов атома подходит к пределу и больше быть не может, они распадутся. А разве может быть знак равенства в формулах? Сложите одного человека – мужчину с другим человеком – женщиной, разве обязательно получится два человека? А если у них появится ребенок, то будет уже три. А если один уйдет, то сложение даст единицу. И одна часть уравнения не может быть равной другой. В левой части то, что было в прошлом, в правой – что ожидается, а это никак не одно и то же. Будущее не может быть равно прошлому. Ничто в мире не равно другому. Вся математика построена на придуманных догматах и на придуманной логике, которой в природе нет. Она применима на коротких отрезках времени и в ограниченном пространстве и только на объектах, не меньше атома. Бесконечного деления не может быть.

На это она отвечала, как отвечают религиозные фанаты, ты просто не понимаешь математики. И занижала оценки.

Физик меня просто ненавидел за мои вопросы, когда я просил объяснить, что такое энергия, откуда взялись законы природы, как работает механизм гравитации. Однажды выгонял из класса, чтоб не мешал вести занятия, и запретил приходить на его уроки. Я и не приходил. Как только наступил его урок, садился на улице под окном его кабинета и читал учебник по текущей теме. На одном из уроков выглянул из окна и велел вернуться. Когда я вошел, он спросил, как работает трансформатор, это была тема прошлого урока, который я просидел на улице. Я не стал отвечать, а только спросил, почему трансформатор не светится? А почему он должен светиться, поинтересовался учитель. Так в нем происходят преобразования электрического поля в магнитное и наоборот, а это должно создавать свет. Это его несколько озадачило. Буркнул, что он создает радиопомехи, и велел сесть на место.

Однако относился с уважением, привлекал к работам по оборудованию в школе радиозула, по перекладке электрических проводов. Однажды в кабинет привезли киноаппаратуру, и он научил работать на ней, добился разрешения для меня показывать фильмы в клубах, что я иногда и делал. Запомнился один такой случай. В одном из городских клубов намечалось собрание глухонемых, и меня попросили показать какойнибудь фильм. В городской фильмотеке, куда мне был разрешен допуск, отобрал популярную в то время комедию «Штепсель женит Тарапуньку». На предоставленной машине привез в клуб аппаратуру, и пока уста-

навливал её, собравшиеся смотрели на это с интересом, было ощущение, что они вообще не понимали, что это такое. Но вот вошел переводчик и жестами стал всё разъяснять, рассадил по местам, спросил про мою готовность и выключил свет. Фильм начался, переводчик стоял перед экраном и жестами переводил слова. В забавных местах зрители смеялись, а иногда переводчик просил повторить фрагмент, который они не поняли или им особенно понравился. Весь фильм был записан на нескольких отдельных катушках – бобинах, можно было любую быстро перемотать и поставить заново. По окончании благодарность выразили аплодисментами.

Учитель черчения освободил меня от уроков, чтоб я за него рисовал плакаты к праздникам. За это поплатился на первом курсе института, когда надо было сдавать экзамен по черчению. Там требовалось начертить мудреную деталь в разных видах и разрезах. Я это сделал за 15 минут и показал экзаменатору. Тот пришел в ужас. Вы что, возмутился он, не знаете, как изображаются точки, пунктирные линии, оси? Но за то, что правильно всё изобразил, сказал, прощаю, и будем считать, что на этом экзамене Вас не было, придете через неделю, принимать буду сам. За неделю я всё освоил, но на повторном экзамене получил только четверку за первый провал.

В школе в одном классе со мной учился тихий застенчивый парнишка, он заикался, стыдился этого, когда его спрашивали на уроках, от волнения вообще выдавал только звуки. Учителя его проводили по тетрадам от тройки до тройки. Имя у него было редкое – Юлий. Я подружился с ним. Юлька, мы его так звали, был из артистической семьи, мать служила режиссером в городском драматическом театре, они жили в притеатральном двухэтажном доме, где жили все артисты, обшарпанном, с общими длинными коридорами, втроём с матерью, сестрой в маленькой комнатухе. Впрочем, все артисты так жили, они вечерами собирались во дворе, пили, дурачились, ругались. Детишкам давали театральные имена. Там фланировала воздушная Корделия под восхищенными взглядами влюбленного Ромео.

Театр едва влачил своё существование, посещаемость была скверной, хотя билеты стоили предельно низко, и игра актеров была вдохновенной, но и жители едва сводили концы с концами, им не до театра было. Сейчас я понимаю, что в то трудное время театр выполнял сложнейшую задачу, он, сам пребывая в нищете, всем своим искусством самоотверженно боролся за души людей, вносил в мрак свет, закладывал в них нравственные императивы. Это, безусловно, был подвиг.

Юлькина мать доставала нам контрамарки на все спектакли, а в театр часто приезжали труппы из разных городов, так что палитра постановок была обширной, классика, оперетта, водевили. Всё это мы смотрели.

Когда школьников обязали пару недель летом поработать в подшефных совхозах, мы с Юлькой подрядились вместе поехать в один совхоз. Там нас поставили на просушку зерна. Под навесом на току были насыпаны груды влажного зерна, они прели, выделяя тепло, требовалось пропустить их через сушилку с проветривающим вентилятором. Нам предстояло это зерно закидывать на транспортную ленту, подающую его в аппарат, и просушенное переносить в другое место. Облака шелухи, пыли, иголок от ости окутывали всё пространство. В нем мы работали с утра до ночи, полностью покрытые этим месивом. Спали тут же, греясь теплом от зерен. К нам повадился приходиться бездомный худой пес. Окрас его был настолько нелепым, что Юлька сразу окрестил его Букетом. Теперь в столовой мы брали обеды на троих. Букет так привязался к Юльке, что даже спал с ним в обнимку. Любовь у них была взаимной.

Потому домой в город мы возвращались уже втроем.

Уж не знаю, как юлькины родные отнеслись к новому жильцу, но не выгнали, и он стал с ними жить.

К тому времени у нас были велосипеды и мы устраивали путешествия за город посмотреть на новые места. Теперь Букет неизменно бегал за нами.

Однажды мы с Юлькой решились на новое приключение. Через город протекала река Ловать, в тридцати километрах от него русло реки пересекало шоссе. Мы решили на велосипедах добраться до этого места и дальше сплавом по реке вернуться обратно. В качестве плота было решено использовать найденные на свалке автомобильные камеры, клеим привезенные в порядок. Привязали к велосипедам, взяли топорик, веревки, спички, купили брикеты с кашей, рыбные консервы, и в намеченное время пустились в путь. Букет, естественно, бежал за нами. По прибытии накачали камеры, поверх положили велосипеды, сверху навалили лапника, чтоб мягче сидеть, всё это увязали веревками в единую конструкцию. Спустили на воду, Букета посадили рядом, вооружились жердинами, и отделись течению реки. Вначале всё шло превосходно, мы изучали берега, любовались проплывающими пейзажами, но вот вдруг откуда-то стали приползать облака, их становилось больше, они темнели, и начал накрапывать дождь. Букета это стало беспокоить. А когда дождь усилился, и мы стали промокать, наш пес стал ругаться, бросился в воду и дальше побежал параллельно с нами по берегу, путаясь в зарослях. Так прошел час, два. Дождь всё усиливался. Мы уже промокли насквозь, пес на берегу ругается и лает. Брикеты с кашей размокли и расползлись, открыли банку с рыбой и, причалив к берегу, предложили еду Букету. Он только понюхал и посмотрел на нас, как на ненормальных. Похоже, он лучше нас понимал, в какую историю мы все вляпались. Привлекательность путешествия стала меркнуть. Стало приходиться осознание, что дальше так под проливным дождем, с Букетом на заросшем берегу, плыть до города не сможем. Вспомнили, что где-то недалеко извилистое русло реки приближается к шоссе. Там решили выбраться. Проплыли еще, ожидая поворота реки к дороге, дождались, она, действительно, пошла к дороге, и на закруглении выбрались на берег. Из зарослей вылез Букет. Размонтировали плот, высвободили велосипеды, камеры оставили на берегу, и стали пробираться в сторону шоссе. Дождь лил как из ведра. Мокрый кустарник переплетался и не пускал. Продирались долго, но вот послышался шум проезжающих машин. Пошли на шум и, наконец, выбрались на шоссе. Уставший и промокший пес едва волочил ноги. Потому пошли пешком. Проезжающие водители могли видеть апокалиптическую картину, вода сверху как из ведра, понуро два дурака тащат по дороге велосипеды, между ними волочется промокший уставший пес.

Видно, сердце одного из них не выдержало. Рядом с нами остановился обшарпанный москвич, водитель велел затолкать велосипеды на заднее сидение, они не влезали, и пришлось двери оставить открытыми, самим с собакой разместиться, как только сможем. Юлька с Букетом спереди, я залез на велосипеды. Так и доехали до города, а там потихоньку добрались до домов.

Перед последним десятым классом, когда заканчивалось лето, но погода ещё согревала теплом, решил, начиная с этого теплого времени, приезжать ранними утрами на велосипеде в парк, что раскинулся на берегу Ловати, и нырять в воду с пристани пристроенной лодочной станции. Решил, я буду это делать каждый день, даже когда начнутся школьные занятия, невзирая на погоду, в дождь, в снег до покрытия реки льдом. Буду проявлять характер и закаляться.

Я так и делал, приезжал ранним утром, быстро раздевался и нырял в воду, болтался в воде несколько минут, выскакивал, обтирался прихваченным полотенцем, одевался и быстро уезжал. Так продолжалось до снегов. Вода обжигала ледяным холодом. Теперь всё больше требовалось решительности и воли, чтоб собраться с духом и нырнуть в морозную воду. Вот уже и люди стали надевать теплые куртки, скоро лед покроет реку, и у меня стало пропадать желание раздеваться и нырять. Наконец, оно исчезло совсем. Эксперимент закончился. Но в будущем он очень пригодился.

Я раздумывал, куда пойти учиться после школы. Хотелось заняться философией, и даже нашел подходящий то ли институт, то ли университет в Харькове. Только отец был против, надо учиться на инженера. Только такая специальность даст устойчивость в жизни. Значит,

надо ехать в Москву, поступать в технический ВУЗ, где есть общежитие. Выбрал, приехал, сдал документы, поселили в общежитие, стал экзамены на пятерки. Был принят.

И вот первый курс. На ту пору наш Никита Сергеевич с обличающей фамилией Хрущёв (Хрущ – жук вредитель) решил провести над нами эксперимент, первый и как потом оказалось, последний. Он решил, что не получится из студента путного инженера, если не познает все прелести рабочей жизни. Поступило указание распределить первокурсников по предприятиям на рабочие специальности, пусть работают и учатся, не сокращая при этом полагающуюся программу занятий. Отчислять сразу, если студент не выдержит нагрузку, не справится с работой или с учебой. Стипендию не платить, должны зарабатывать на предприятии.

Меня направили на ближайший к общежитию механический завод «Компрессор». Можно пойти пешком. Работа в две смены. Если дневная, то в 6 утра подъем, бегом на завод, смену отработать, быстро вернуться в общежитие, переодеться, бегом в столовую поесть и бегом на занятия в институт. А если смена вечерняя, то наоборот, утром отучиться, пообедать и бегом на завод работать до ночи. А завтраки и ужины, тут уж кто как сможет. Половина курса работало в две смены, половина – только в одну. Это создало для деканата проблему, как при этом организовать учебный процесс для всех. В моей комнате жили ещё трое ребят, они работали в одну смену, потому мы практически не пересекались. Я вставал при звуках курантов по радиоточке, когда они ещё спали, или приходил с работы ночью, когда они уже спали. Сна постоянно не хватало. Однажды вечером, придя с занятий, упал замертво на кровать и очнулся, когда услышал куранты, тогда была первая смена, быстро влез в робу и помчался на завод. Когда туда пришел, на проходной не пустили, сказали, что первая смена будет утром, а сейчас пробило только полночь. Вот какие куранты меня разбудили. Пришлось возвращаться, чтоб после короткого сна повторить этот путь.

Курсовые, лабораторные и прочие домашние работы надо было выполнять в выходные. Тиски были закручены полностью. В ожидании отсева было принято завышенное число абитуриентов. Однако, отсев превзошел все ожидания. Ребята, девчонки ломались, уходили. Многие бросались в поликлинику, чтоб получить больничный. Симулировали болезни, набивали на градуснике температуру, но в поликлинике уже было указание проявлять повышенную бдительность, потому что такие будут приходить, и никакой мягкости не следовало проявлять. За ними был свой контроль, и поблажек никому не было.

На заводе приставили к револьверному станку, вытачивать из литых болванок цилиндры для последующего доведения их до нужных размеров на токарных станках. Заводские к нам относились, как к бессмысленной и временной шелухе. Станок, к которому меня приставили, был подготовлен к вывозу на слом, стоял приготовленный у ворот для проезда локомотива. Для меня его подключили к электросети, залили маслом с эмульсией и локомотив притащил груды болванок. Показали, как управлять станком, что нужно делать, как затачивать резцы. Определили норму, которую надо выполнять. Зарплату положили минимальную, ученическую. Её хватало только на еду.

Револьверный станок, – это вращающийся шпиндель слева, в котором закрепляется деталь, в середине суппорт, где закрепляются резцы, справа поворотная бабка, в отверстия которой вставляются нужные сверла или резцы, эта бабка может наезжать на вращающуюся деталь и высверливать середину или растачивать её. И все это происходит при непрерывном поливании мыльной эмульсией, поступающей из специального рожка. Эмульсия разбрызгивается вращением, и всё одеяние человека сверху донизу покрывается этой жидкостью. Есть защита, но она не спасает. А робу обновят только через полгода. В такой замызганной робе я ходил от общежития на завод, чем экономил время на переодевание в заводской раздевалке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.